

Интенсификация «информационного шума» как дегуманизирующая тенденция

В. О. Сташис,
аспирант,
Белорусский государственный университет

Социальная теория предлагает ряд подходов, фиксирующих и исследующих актуальное состояние исторического развития общества. В их числе информационное общество, цифровое общество, сетевое общество, общество знания и ряд других концепций. Хотя приведенные примеры маркируют разные теоретические позиции, в выбранном способе их обозначения можно обнаружить нечто общее. Это связано с тем, что в попытке концептуализировать уникальные черты текущего исторического периода исследователи стремятся выделить ту качественную характеристику, которая является смыслообразующей для актуальной фазы социального развития. Если же попытаться абстрагироваться от защиты конкретной теоретической позиции, то на основании рассмотрения перечисленных концепций можно выделить не одну, а целый ряд ключевых тенденций, спор об иерархии которых и составляет причину того теоретического многообразия, которое было отмечено нами выше. В числе подобных тенденций отдельно выделяют автоматизацию труда, развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), цифровизацию экономики, увеличение роли знаний в общественной жизни и пр. В сущности, все указанные процессы относятся к макроуровню социального бытия и свидетельствуют о масштабных парадигмальных сдвигах в его динамике, что отражается на качестве жизни и уровне развития отдельных государств.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.05.2022.

Каким образом указанные процессы отражаются на жизни отдельных субъектов? Можем ли мы эти процессы генерализировать на микроуровне? Развитие технологий, бесспорно, сказалось на поведенческих привычках, что отмечается в концепциях «капитализма платформ» и «викиномики». Степень ответственности и участия экономических субъектов значительно возросла, а их уверенность в защите собственных прав снизилась. Однако есть и не столь очевидное следствие развития ИКТ, которое оказывает не менее (если не более) значимое влияние на сферу повседневной жизни и, на наш взгляд, представляет наибольший интерес. Оно заключается в том, что современный человек вынужден существовать в пространстве избыточной информации. Речь идет о той визуальной и аудиальной информации, которая продуцирована развитием человеческой культуры, а не возникла в результате естественных природных процессов (что отличает положение современного обывателя от позиции средневекового герменевта, исследующего «Книгу Природы»). Постоянная избыточность информации расщепляет культурное поле и тем самым элиминирует возможность конструирования устойчивой общей позиции.

В описанных условиях субъект вынужден выстраивать личную стратегию навигации внутри «информационного шума», ведь он не может интериоризировать универсальную и общепринятую парадигму поведения в связи с ее отсутствием. Из этого следует, что интенсификация информационных потоков оказывает непосредственное влияние на процесс субъективации. Идентичность конструируется по принципу сборочной модели, в которой проявляют себя не только сущностные признаки личности, но и такие ее случайные свойства, как вкусы и увлечения, в то время как между первыми и последними не проводится четкого разграничения. Это значительно увеличивает разнообразие социальной реальности и в то же время усложняет процесс коммуникации – плюрализм мнений провоцирует конфликт ценностей и интересов. Как отмечал исследователь А. Паньковский, именно в том, что «всякая социальность как таковая инкорпорирует принципиально несочетаемые и взаимно конфликтные элементы», и состоит «наиболее глубокий аспект плюрализма» [1, с. 168]. В условиях роста тенденций к децентрализации данный аспект остро проявляет себя.

Вышеуказанный конфликт ценностей не исключает, а скорее подразумевает споры о культуре, а споры о культуре и ее наследии в XXI в. оборачиваются столь противоречивыми феноменами, как «войны памяти» и cancel culture. Их идеологов и приверженцев отличает стремление утвердить взгляд на историю через «отказ» от фигур и явлений, диссонирующих с личными моральными убеждениями. В данных феноменах, которые также могут быть охарактеризованы в качестве борьбы за влияние, выражена реакция на вышеупомянутый «информационный шум». Ее суть сводится

к попытке переосмыслить актуальный дискурс в монистических терминах, что в определенном смысле является лишь вариацией редукционизма.

Требования к упрощению общественного дискурса являются не причиной, а симптомом более сложных социальных трансформаций. В связи с этим более продуктивной стратегией социального исследования является попытка анализа тех тенденций, которые стали причиной реакционных движений, а ключевая из данных причин – рост информационного «загрязнения». Именно с этим мы связываем основной тезис нашей статьи, который может быть выражен следующим образом: вследствие интенсификации информационных потоков внутри актуального дискурса происходит постепенная дефляция гуманистических понятий.

Дальше – шум

Для начала необходимо эксплицировать тот смысл, который мы вкладываем в термин «шум». Для этого воспользуемся определением, предложенным российским исследователем В. Полудиной. Указав на то, что классическая дефиниция К. Шеннона, приравняющая «шум» к помехам в канале связи, является недостаточной, автор предлагает определить «информационный шум» как «избыточность информации в коммуникативной среде, которая вызывает функциональное расстройство ее систем» [2, с. 387]. Это означает, что «шум» – не просто отвлеченное от процесса коммуникации явление, но в нем присутствует собственное содержание, которое при иных условиях может быть дешифровано. Из этого также следует, что в результате возрастания «информационного шума» под давлением оказывается не только техническая инфраструктура, но также пространство социального.

Проблемы в области коммуникации отражаются на общественном и индивидуальном поведении, касаясь таких фундаментальных механизмов формирования личности, как социализация и индивидуализация. Процесс усвоения поведенческих паттернов, моральных норм и ценностей оказывается затруднен по причине элиминации единого канона, а указанная элиминация является прямым следствием распространения «информационного шума». «Шум» дезавуирует монистические категории внутри общественного дискурса, разрушает представление о культуре как о едином каноне и элиминирует авторитеты, подменяет строгие когнитивные схемы текучим потоком данных. Темпоральность ускоряется, интенсивность информационных потоков растет, принципы коммуникации модифицируются, а вслед за этим реконфигурируется и само поле социального.

Также не стоит забывать, что если мы допускаем возможность кризиса авторитета традиционных институтов воспитания и классических СМИ, то рассматривать этот вопрос необходимо в связи с трансформацией сложившихся общественных иерархий. Развитие ИКТ

делает переход от вертикальных к горизонтальным формам взаимодействия социальных институтов привлекательным в связи с рядом возможных преимуществ, связанных с отсутствием посредников (в частности скорость и цена услуг). М. Кастельс считал, что «сети, развивающиеся в новой технологической среде, оказались самыми эффективными организационными формами в результате трех их главных характеристик: гибкости, масштабируемости и живучести» [3, с. 40]. Но если мы говорим о нивелировании значений социальных институтов, то не стоит ждать по отношению к ним особого пиетета со стороны общественности. Из этого вытекает рост дезинформации (феномены *fake news* и «постправды»), что стало следствием утраты интереса к классическим формам экспертизы. Место эксперта занимают «инфлюэнсеры», известность становится достаточным основанием для формирования общественного мнения. Данную тенденцию полемически подчеркнул американский политолог Т. Николс: «Растет количество непрофессионалов, которым не хватает базовых знаний и которые к тому же отвергают очевидные факты и отказываются учиться рассуждать логически» [4, с. 19]. Это также является одним из следствий растущей интенсивности «информационного шума».

Инклюзивный дискурс

Размывание привычных ориентиров внутри социального поля не только становится причиной реконфигурации межсубъектных отношений, но также подталкивает к переосмыслению его (поля) границ. В сетевых формах взаимодействия, осуществляемых через ИКТ, активными агентами являются и люди, и техника. Как писал М. Кастельс, «с приходом нанотехнологий и конвергенции микроэлектроники и биологических процессов и материалов границы между человеческой жизнью и жизнью машин размываются, поскольку сети расширяют возможности их взаимодействия из нашего внутреннего Я на всю сферу человеческой деятельности, выходя за границы времени и пространства» [3, с. 41]. Но если размываются границы между субъектом и его инструментом, то почему нельзя сделать вывод о том, что происходит также стирание границ самой субъектности?

О подобном сломе привычных механизмов различения и самоидентификации провокационно заявляла Д. Харауэй в «Манифесте киборга». В своем обосновании принципов «киборганической политики» (метафора для идеологической борьбы за трансформацию существующих систем господства) она настаивала на важности шума, загрязнения, «примеси животного и машины» [5, с. 360]. Как утверждала исследователь, «это сочетания, которые делают Мужчину и Женщину столь проблематичными, подрывая структуру желаяния, воображаемую силу производства языка и гендера, а значит, подрывая структуру и модусы производства западной идентичности, природы и культуры, зеркала

и глаза, раба и господина, тела и духа» [5, с. 360]. Можно сказать, что интенсивный «информационный шум» способствует постоянному изменению и переосмыслению образа Я, что связано с девальвацией интенириоризованных в процессе социализации ценностей.

Указанная девальвация должна рассматриваться как следствие тенденции к детерриторизации (постоянному смещению) культурных смыслов внутри поля глобальной коммуникации. Современный человек потребляет и продуцирует информацию внутри сферы, которая не имеет четких территориальных границ, в сети Интернет. Этот факт значительно расширяет возможности и пространство дискурса, упрощая обмен мнениями среди носителей разных культурных традиций. Более того, в значительной степени интернет-общение оказывается безразличным к тем социальным заслугам и достижениям, которыми наделен субъект (его статусу, образованию, успеху в профессиональной деятельности), что нивелирует иерархические и классовые разрывы, затрудняющие возможность коммуникации в пространстве повседневности.

В то же время представление о сети Интернет как о стирающем границы и различия месте требует определенных дополнений и правок. Мы можем со всей уверенностью утверждать, что коммуникация в Глобальной сети упорядочивается по мере того, как ведущие игроки на рынке информационных услуг ведут борьбу за централизацию, определение и диктат той картины мира, того «зеркала», стадия встречи с которым даст представление пользователю о самом себе. Речь идет о встроенных в социальные сети и сервисы алгоритмах, задачей которых является персональный подбор когерентной пользовательским интересам информации. На наш взгляд, хотя это и поляризует пользователей, но не уменьшает, а увеличивает инклюзивность дискурса в целом. Траектория его (дискурса) развития задается технологией, в чем и отражается ее участие и, следовательно, включенность.

Сетевая структура, открытость, динамичность – вот те характеристики, которые можно считать подходящими для обозначения формирующегося в вышеописанных условиях культурного поля. В него вписаны смыслы, производимые разными людьми из разных эпох, в нем также нормализуется общение с техникой (электронными помощниками, программами, интерфейсами), т. е. нечеловеческими акторами. В таком дискурсе формируется новая парадигма, в основании которой не лежит тезис о чем-либо (видовом) превосходстве. Указанная парадигма требует более подробного рассмотрения, так как в основании будущих целей и решений именно она будет исходной точкой отсчета.

Элиминация гуманистических оснований

Развитие техники показало, что роль человеческой агентности может быть пересмотрена. Значительное количество интеллектуальных задач может быть ре-

шено без человеческого участия. Более того, сам факт человеческого участия может рассматриваться как негативный, разрушительный для природы и мира. Это означает, что лучшей стратегией заботы об окружающем мире, которую патерналистски счел своей задачей вид *homo sapiens sapiens*, может оказаться банальное невмешательство.

Из вышесказанного не стоит делать вывод о том, что именно развитие ИКТ поставило идеализированный образ человечества под сомнение. Разочарование в идеях гуманизма, связанное с потрясениями двух мировых войн, фиксировалось философами еще в XX в. Веком ранее этому предшествовала философия А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Тем не менее в XX в. пессимистический взгляд на перспективы человечества был характерен не только для философов. Он также нашел отражение в материальной культуре. Датский социолог Ф. Полак писал, что «современное искусство лишает мир привлекательности. Бог мертв, человек в лучшем случае – робот, состоящий из линий, поверхностей, углов и сфер, без жизни и души» [6, с. 215]. Параллельно этому наука начинает редуцировать человеческое поведение к психологическим реакциям, а сами реакции – к нейробиологическим процессам. Таким образом, вера в существование уникального для человека субстанциального начала испытывает серьезный кризис.

Вернемся к «информационному шуму». Как утверждал Ж. Эллюль, развитие техники умножило абсурд в человеческой жизни. Иллюстрируя свой тезис, французский философ писал о кино, в котором искусственно воссозданные шумы не дают расслышать речь основных персонажей: «Мы ухватываем слово, обрывок фразы (как это происходит и в реальности), но мы абсолютно не можем сказать, что “шум создает информацию”. Но правда также и то, что эта речь, съеденная шумом и о которой мы знаем только, что она была произнесена, провоцирует в нас воображение, и мы воображаем, что персонажи могли сказать» [7, с. 269]. На наш взгляд, приведенный пример также подходит для описания разорванного восприятия окружающей действительности современным субъектом.

Воображение как возможность вообразить, проиллюстрировать, дописать и т. д. является ключевым инструментом навигации в пространстве «информационного шума». Там, где на месте описания конкретных механизмов взаимодействия биотических и абиотических факторов, различных организмов и конфликтующих социальных групп возникают лакуны, на помощь приходят метафоры из наиболее близких и понятных индивиду областей знания и культуры. Это позволяет связать всю комплексность действительной реальности в единый нарратив, вмещающий в себя людей, природу, технику и пр. То, что в столь эклектичной (но упорядоченной) картине мира понятие «человек» утрачивает свой пафос, является той жертвой, которую необходимо

принести на алтарь борьбы с хаосом. В противном случае язык утратит единство означающего и означаемого, а значит, коммуникация окажется невозможной.

* * *

Таким образом, тенденции в развитии актуального философско-антропологического дискурса указывают на парадигмальные сдвиги в восприятии обществом себя и окружающего мира. Будущее все реже рассматривается как принадлежащий человеку актив, вследствие чего растет интерес к проектированию среды, к которой будет неприменим термин «антропоцентричность». На это косвенно указывает рост интереса к энвайронментализму, пост- и трансгуманизму, плоским онтологиям и иным формам рассмотрения нечеловеческих агентов вне субъект-объектной оппозиции.

На наш взгляд, указанные тенденции связаны с нарастанием «информационного шума», который задал новые правила функционирования социального поля и тем самым указал на моральное устаревание традиционных общественных институтов. В окружении «информационного шума» субъект оказывается перед необходимостью выстроить личные принципы и модели поведения, которые окажутся наиболее эффективной стратегией взаимодействия с перманентно расширяющейся и меняющей форму реальностью.

Тем самым в области межсубъектного взаимодействия возникла ситуация кризиса иерархических систем, вызванная тем, что скорость коммуникации (а вместе с ней и темпов социальной реальности) значительно возросла и повысился запрос на непосредственное общение. Но в качестве того актора, с которым происходит общение, может выступать не только человек, так как эффективную коммуникацию можно вести также с техникой или программой. Более того, для процесса коммуникации человек оказывается и вовсе не таким уж необходимым условием. Коммуникация как передача закодированной информации может проходить между животными, растениями и даже неодушевленными объектами, примером чему служат различные модели реализации концепции «Интернета

вещей» (когда «интеллектуальные» устройства занимают автоматическим сбором данных в сфере транспорта, здравоохранения, промышленности и т. д.).

Рассмотрение коммуникации в качестве универсального механизма взаимодействия живой и неживой природы значительно упрощает включение в дискурс интересов ранее игнорируемых – нечеловеческих – акторов. Это касается и дискурса о будущем, в котором человек не обязан конструировать под себя обособленную реальность. Погружение в пространство «информационного шума» позволяет визуализировать и осознать, что даже внутри отдельного общества если и возможен консенсус, то только в форме компромисса. Это означает, что для оптимального сосуществования с иными видами субъекту необходимо абстрагироваться от Я и сосредоточиться на жизни как таковой. Вполне возможно, что подобная постановка вопроса о поиске оптимального будущего подтолкнет к делегированию принятия стратегических решений третьей стороне – неживой материи в форме искусственного интеллекта.

Список использованных источников

1. *Паньковский, А.* Агональный либерализм Исаяи Берлина / А. Паньковский // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 166–177.
2. *Полудина, В. П.* Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации / В. П. Полудина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14, № 5. – С. 386–394.
3. *Кастельс, М.* Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 564 с.
4. *Николс, Т.* Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / Т. Николс. – М.: Эксмо, 2019. – 368 с.
5. *Харауэй, Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / Д. Харауэй // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 322–377.
6. *Полак, Ф.* Образ будущего / Ф. Полак // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогнозистики. 1952–1999. – М.: Academia, 2000. – С. 208–221.
7. *Элльюль, Ж.* Технологический блеф / Ж. Элльюль // Это человек: антология философских работ. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 265–284.

Аннотация

В статье анализируются процессы актуальной социальной динамики в контексте тенденции к увеличению скорости производства и распространения информации. Избыточность производимой информации становится причиной возникновения уникальной культурной ситуации – необходимости адаптации человека к пространству порожденного им «информационного шума». В результате формируется новая парадигма культурного развития, которая включает объекты живой и неживой природы внутри единого дискурсивного поля в качестве равноправных субъектов коммуникации. Делается вывод о том, что в условиях интенсификации «информационного шума» переоценке подвергаются гуманистические основания культуры и устоявшиеся представления о социальной иерархии.

Abstract

The processes of current cultural transformation in the context of the tendency to increase the speed of production and distribution of information is analyzed in the article. The redundancy of produced information becomes the reason for the emergence of a unique cultural situation – the need for human adaptation to the space of «information noise» generated by it. As a result, a new paradigm of cultural development is formed, which encloses the objects of living and inanimate nature inside a single discursive field as equal subjects of communication. The conclusion is made that under the conditions of the intensification of «information noise» the humanistic foundations of culture and the established notions of social hierarchy are subjected to reassessment.